

16 ЛЕТ СПУСТЯ: ПОДРОБНОСТИ

Рассказ пойдёт о событиях весьма давнишних, но нашедших, тем не менее, определённое место в моей памяти. Конечно, память – она не безразмерна и не вечна, поэтому обнаруженные в ней лакуны буду заполнять домыслами, основанными на сути и логике описываемых событий.

Однажды¹ мне, старшему оперу ОЭП КМ УВД СВАО г. Москвы по домашнему телефону позвонил мой штатный «кролик», агент Кубик и сказал, что нужно срочно встретиться по чрезвычайно важному делу. Я уже собирался спать, поэтому вышел на встречу в раздражении от этого авантюриста, у которого каждое дело «чрезвычайное», но заканчивается обязательно моими нравоучениями по поводу бессмысленности, порочности или противозаконности очередного задуманного дельца.

– Здорово.

– Добрый вечер, Вова! Со мной человек – я позже всё объясню, – при нём называй меня Владимиром Владимировичем, я майор уголовного розыска.

– ?!

– Да, по-идиотски выглядит, потом всё поймёшь. Некогда. «Делай, как я».

Предчувствуя скорое разоблачение, я всё-таки согласился на участие в спектакле. Знать бы ещё свою роль, но времени не было: предстоял экспромт.

Шелестел тёплый майский дождик. Кубик подозвал типа, прятавшегося от света фонарей в мокрых кустах. Человеку плотного телосложения с ростом около двух метров и лицом стройбатовца как нельзя лучше подходило ёмкое слово «детина».

Свежеиспечённый майор взял инициативу в свои руки, и я, поддакивая, кивая и кривляясь, узнал, что наша совместная операция УР и ОЭП близка к логическому завершению: получивший заказ и аванс за работу наёмный убийца выявлен, изобличён и под угрозой неминуемого уголовного преследования готов сотрудничать с органами. Я понял, что парень пришёл сдаваться, но никак не мог взять в толк, зачем ему это понадобилось. Выручил Кубик, который как-то естественно и ловко предоставил слово гостю. Олег (так гость представился) сказал, что попал в западню, исполнять заказ не желает, потому что не проживёт и месяца после выполнения «работы»: ведь дешевле и логичнее его самого убрать, чем выплачивать ему гонорар. На явку с повинной тоже не согласен, потому что в этом случае не проживёт и недели. Единственный разумный выход – сдаться под честное слово. Если обманете, сказал, уйду в несознанку, но в любом случае не стану сообщать свои полные данные, не сдам друга и ничего подписывать не стану.

Не доверяет. Что ж, это объяснимо и ожидаемо. «Майор» сказал, что ему стало по-человечески жаль Олега, с которым они сдружились во время его разработки нашими подразделениями, и он просит меня, старого друга и товарища, поддержать его позицию на коллегии (!). Идиот, думаю: на коллегии МВД, что ли? Самое место там майорам и – особенно – старшим лейтенантам.

¹ В составленной мной и подписанной Баранниковым С.Н. справке от 16.06.1997 года на имя и.о. начальника штаба УВД СВАО Данилюка С.Г. указана дата изъятия гранатомёта – 11.06.1996 года. Скорее всего, это моя опечатка, поскольку иные документы указывают на то, что речь идёт о событиях 1997 года.

Я успел привыкнуть ко многим неожиданностям в нашей работе, но от услышанного был в недоумении, мягко говоря, и роль свою играл на пределе актёрских способностей. Сказал, что не ожидал такого поворота от уголовного розыска, что неизвестно, как на это посмотрит его начальство, но пообещал свою поддержку не на коллегии, но на уровне своего руководства, которое обычно прислушивается к моему мнению. Ударили по рукам на том, что будем действовать по ситуации, Олег удалился в те же кусты, а я, выдержав для надёжности паузу, высказал Кубику на родном служебном языке всё, что о нём думаю.

Текст высказываний не приводится из соображений цензуры. Оправдания Кубика были такими.

В очередной раз скрываясь то ли от своих кредиторов, то ли бандитов, то ли вражеских проваленных агентов, Кубик снял квартиру на окраине Балашихи. У него на иждивении находилась молодая красивая сожительница и здоровенный пёс – кажется, стаффордширский терьер, который обеспечивал беглецу хоть какую-то защиту. Совершая променады со стаффом в пойме местной речушки, Кубик познакомился с Олегом, который выгуливал свою преданную дворнягу. Оказалось, они живут в одном подъезде. Сдружились, а недавно за общим столом отметили какой-то общенародный праздник.

И однажды Олег, явно терзаемый сомнениями, заговорил.

– Володя, я не знаю, что мне делать, я запутался. Есть у меня старый друг Женька, который работает у медведковской братвы. Он нормально упакован, все дела в порядке. Решает там с пацанами какие-то проблемы. Вроде не опасно. Я пару раз к нему напрашивался: поговори, дескать, со своими, нельзя ли мне работу подыскать. Я в Афгане срочную служил, с оружием «на ты». Стрелял, по людям тоже. В общем, всё могу, если что. Женя меня отговаривал, что не нужно это тебе, но я пристал, как банный лист: сведи с пацанами и всё тут. В конце концов свёл, со мной поговорили. Через месяц сказали, что пробили меня по братве и по ментам, что я принят. Работу не давали, но платили исправно. Немного, наверное, но мне раньше такие деньги и не снились. И так полгода примерно. Я уже расслабился, привык, но две недели назад мне сказали, что есть работа: завалить коммерса. Вот что б ты на моём месте сделал?

– Во-первых, я не на твоём месте. Во-вторых, ты не мальчик, сам подписался, сам и разгребай. А что, кишка тонка?

– Знаешь, не то чтобы тонка. Я вляпался, Володя. Рассуди: работа стоит 60 штук грина, мне задаток дали 8. Сказали: срок две недели, после выполнения получишь остальное. Валить нужно какого-то мужика по фамилии Лебедев, вместо фотографии дали журнал «Профиль» – он там на обложке. Я подумал, если на обложке, то фигура неслабая, и за него 60 штук дают. А мне нужно будет отдать 52. Это же бабки какие! Меня же за «трёшник» грохнут, ещё в очередь встанут! Что делать – не знаю. Пробовал с Женей поговорить – он уворачивается, сам, мол решил, а я тебя предупреждал. Думал к ментам пойти – никто и разговаривать не станет, потребуют явку с повинной писать. Ну напишу, и что? У меня ни доказательств, ничего нет. Пацанов начнут в ментовку таскать; они, естественно, включают дурака и в итоге на воле останутся, а я – в СИЗО, где меня и кончат. Хоть свои, хоть «мусора» за ту же «трёшку».

– Ладно, парень. Вот тебе ещё один шанс. Должен будешь. Короче, слушай сюда. Я майор уголовного розыска. Фамилия моя тебе ничего не скажет, потому что она левая, а настоящая настолько секретная, что я и сам её забыл. Жена моя – не жена вовсе, а тоже сотрудник, и как её мама называла – тоже не знаю. Вся ваша бригада у нас давно под колпаком, но по другим делам, тоже мокрым, но старым. Ты думаешь, я от нечего делать тут поселился, собаку свою выгуливаю. Что ты теперь заныл, как баба?! Раньше нужно было думать. Как у вас говорят? За базар отвечать нужно?

Олег сник: «И что теперь? У меня хоть час есть с семьёй побыть, попрощаться?». «Майор» был отменным психологом и решил добить побеждённого.

– Хороший ты мужик, Олежек – я это сразу понял, – и жалко жизнь тебе ломать, дураку. И жену твою жалко, и дочку. У тебя нет ни одного шанса без меня. Тебя обязательно завалят, причём, не столько из-за денег: главное, что ты свидетель, ты – ниточка, за которую будут тянуть, если что. Не будет тебя – не станет ниточки. У тебя проблема, мужик! Я бы решил её, но у нас операция совместная. К нам ОЭП СВАО зачем-то прицепился, у них какие-то вопросы по мошенникам есть к медведковским. Вроде, ваши крышевали каких-то кидал. Так говорят. Есть у них там мент хороший, я его знаю давно. Он в авторитете, руководство ему верит. С ним нужно договариваться. Пока иди домой. Хочешь – советуйся с кем угодно, но лучше – никому, а то меня подставишь. Никуда не пытайся свалить: без моего разрешения не дадут. Я попытаюсь дозвониться до своего коллеги. Через 10 минут заходи, если не дозвонюсь – поедem без звонка.

Слова Кубика так растрогали Олега, что он едва не заплакал, благодарно тряс руку «оперативника». А Кубик тем временем дозвонился до меня, после чего они поехали ко мне.

– Слушай, – говорю, когда он закончил, – а тебе не пришло в голову, что он возьмёт своей пятернёй эту твою голову и оторвёт её нахрен? Ты видел его ручищи?

– Ну, я же с собакой был!

– На эмоциях – да вместе с собакой! Или достал бы волыну из кармана и завалил бы вас там обоих в этом лесу.

– ?! А я об этом чего-то не подумал...

– А зачем ты вообще в это полез?

– Не знаю. А ты бы не полез, когда такая информация? – в глазах Кубика снова обозначился «искатель приключений на свою...».

– Тоже не знаю. Не смог бы, наверное. Это же голимая колунада!

Я обзывал Кубика идиотом и авантюристом, придурком и дураком, не переставая всё-таки им восхищаться. Вот самообладание у человека!

Стали думать, что делать. Я говорю, что моё руководство не потянет этой темы – не тот профиль, это же чистый БХСС, спекуляция да неотрезанные хвостики от колбасы. Ну да, чему-то научились за последние три года, но заказуху – нет, не потянут. РУОПу доверия нет, да и квалификация вызывает сомнения: они у нас «палки» кланчат постоянно; малиновые пиджаки, цепи и пустые понты. Уголовный розыск – есть там

крутые парни, но нас отстранят, возьмут всё в свои руки, вывернут Олега наизнанку, может даже посадят по указу на 30 суток, но Лебедева это не спасёт, коли есть заказ. Чтобы выполнить условия Олега, нужны особые полномочия. ФСБ, но на них выхода нет. Точнее, есть, но на наших, окружных, а это тоже без толку: пока всё перепроверят, пока доложат, пока руководство отреагирует – ищи-свищи нашего Олега. Соскочит. А того Лебедева всё равно грохнут, и его труп будет на нашей совести. «И на Вашей, товарищ майор!» – добавил я.

– Да есть выход на ФСБ! – говорит, – знаю двоих из московского управления, фамилии Антаков и Петухов о чём-нибудь говорят?

– Нет, не слышал. А ты откуда их знаешь? Кто такие? Хотя.... Какая разница, – ответил я, – звони, других-то вариантов нет.

– Ладно, позвоню завтра. Пока.

Весь следующий день мне было не по себе. Я представлял себе масштаб предстоящей операции и не имел ни малейшего представления ни о том, с чего начинать, ни о том, как заканчивать. Решения просто не было: если есть заказ, значит, он будет исполнен. Доложил своему руководству – не легче. Баранников² поддержал, но у него самого одни вопросы. Пучкова³ нет на месте, один из его замов повертел пальцами у виска и посоветовал заняться делом, а не маяться дурью. Хотелось снять с себя ответственность. Хотелось, чтобы ситуация рассосалась как-нибудь сама собой, чтобы Олег пропал, чтобы эфэсбэшники не откликнулись.

Видно, не судьба. Или наоборот. Олег на встречу явился как штык. Эфэсбэшники тоже. Оба в штатском, один по возрасту примерно подполковник (то ли Петухов, то ли Антаков – не помню уже точно, кто именно), другой помоложе, тоже крупный, почти как Олег (просил называть его Саидом, но на «Саида» ни капельки не похож). Встречались на Лубянке, прошли по какому-то переулку, вошли с парадного входа в особняк без вывески, окна со старорежимными белыми занавесками «по пояс», внутри у входа дежурный офицер. Стены и мебель под светлый дуб, тёмно-коричневый кожаный диван, чёрный телефон – и всё старое, будто с хрущёвских времён.

Не знакомились. Вообще. Гэбэшники сходу взяли Олега в оборот, мне льстило, что некоторые вопросы ему задавали «с разрешения нашего коллеги из МВД». Тут же начался торг, жёсткий и беспринципный. Олегу нужны гарантии, ФСБ нужна серьёзная информация (дескать, на кой ты нам тут сдался, красивый такой? Мы по мелочам не работаем), МВД тоже нужна информация, дающая железобетонную «палку», причём, обязательно по экономическому профилю.

Олег постоянно менялся в лице, то петушился по-мальчишески, то потухал под запугивающим давлением переговорщиков. Наконец, сдался. Речь зашла сразу по нашей, озповской теме. Решили действовать (эфэсбэшники, конечно, решили, я только поддакивал) немедленно. Заставили Олега отзвониться заказчикам и сообщить, что он практически готов, желал бы получить инструмент для работы. У братвы уже тогда были сотовые телефоны, которые определяли звонящего, но опасения Олега по этому поводу резко сняли: «контора» рулит, не извольте беспокоиться и делайте, что велено. Звонков

² Баранников С.Н., мой непосредственный начальник.

³ Пучков А.П., и.о. начальника ОЭП КМ УВД СВАО г. Москвы.

было много. Идиоты на том конце провода фактически переложили на Олега функции координатора, постоянно давали нашему новому другу всё новые и новые контакты, звонили даже в Таллинн – «контора» удовлетворённо потирала руки.

Конечным результатом телефонных переговоров стало следующее. Во-первых, наёмник сообщил посреднику, что выданный ему «инструмент» совершенно не годится для работы: Олег выходил на место, место оказалось неудачным, без надёжных путей отхода; необходима другая точка на удалении и подходящий для такой работы инструмент. Во-вторых, договорились, что такого-то числа на Ленинградский вокзал приходит поезд «Таллинн – Москва», вагон такой-то, проводница Нина, Олег её встречает и берёт сумку, в которой будет подходящий «инструмент», Женя боится товарища.

Перед тем как расстаться, меня попросили выйти на улицу и подождать там, поэтому, о чём беседовали с Олегом «конторские» – не могу знать, даже не интересовался. Понятно, о чём-то таком, что мне знать нежелательно.

Доложил Пучкову. Тот внимательно выслушал, уточняя детали. Сказал: «Занимайся», что согласно традиции значило: это задача номер один; про остальное забыть, но только на время, плана никто не отменял; любой сотрудник отделения, который будет ценен в том или ином качестве – в моём распоряжении.

Через пару дней позвонили из ФСБ, пригласили на рекогносцировку. Встретились на Большой Никитской в обычном составе – мы с Кубиком, Олег, подполковник и Саид (кстати, наши «старшие братья», как мы называли эфэсбэшников, с пониманием отнеслись к изначальной легенде Кубика, и на протяжении всей операции он сохранил своё звание майора угро и обращение «Владимир Владимирович»). Вышли в Романов переулок⁴. Кажется, дом 3, строение 1. Вроде бы, это одна из контрольных точек на маршруте цели. На прогулке «старшие братья» пояснили мне, кто такой Лебедев: Александр Евгеньевич, ранее сотрудник СВР, один из руководителей стремительно и необъяснимо растущего Национального резервного банка. Якобы, приходил к директору ФСБ, просил обеспечить защиту, а в ответ получил: «Да, всенепременно обеспечим. Вы только изложите письменно и подробно, от чего и от кого вас нужно защищать»; Лебедев взял паузу, а через несколько дней дал отбой, мол, справлюсь сам.

Приехал со своими сослуживцами Сашкой⁵, Сергеем⁶ и Денисом⁷ на Комсомольскую площадь. Нужно было выбрать удобную точку для наблюдения за встречами Нины из Таллинна. На противоположной от Ленинградского вокзала стороне нашли подходящее здание рядом с универсамом «Московский», сговорились с администрацией, что сможем в любое время попасть наверх, нам никто мешать не будет. Сделали пробные обзорные и детальные снимки, проявили: годится.

Поэтому когда приехала Нина, у нас всё было готово к встрече, извели всю плёнку, но получили чёткие портреты и Нины, и Жени, приехавшего с Олегом на вокзал. Лена⁸,

4 Спасибо функции «Панорама» на Яндекс.Картах, помог вспомнить. Сразу нашёл дом с вереницей мемориальных досок.

5 Оперуполномоченный Аникин А.В.

6 Оперуполномоченный Шуверов С.Я.

7 Оперуполномоченный Торопов Д.Ю.

8 Оперуполномоченный Барченкова Е.В.

которой представили Олега, следила за ним и о его встрече с Ниной сигнализировала мне на пейджер из телефона-автомата. Олег помог Нине нести сумки, перевёл её через площадь под наши окна, где у машины их встретил Женя. Свою часть поклажи положили в багажник и уехали. Инструмент прибыл. Как впоследствии выяснилось, это была винтовка, изготовленная на базе охотничьей одностволки. Нарезная вставка под патрон 7,62 x 39, ортопедический приклад ручной работы, самодельный многокамерный глушитель, оптика от чего-то общевойскового и весьма древнего. Однозарядная, но с экстрактором гильзы, что хоть как-то ускоряло перезаряжание.

Несколько следующих дней были нервными: ФСБ требовала под любым предлогом оттянуть исполнение, посредник заказчика убийства напротив, настаивал на его ускорении. Я же находился в режиме испорченного телефона между Олегом и ФСБ, пытался скомпенсировать взаимные наезды, в то время как они методично дёргали меня по несколько раз на дню, заставляя сдерживаться, чтобы не послать всё «на». Олег настаивал на встрече с начальником Саида. Пришлось настоять на «очной ставке», чтобы спорщики пришли уж к какому-нибудь консенсусу. Снова встретились, Олег полчаса пытался доказать собеседникам, что исчерпал все разумные объяснения своей медлительности и что ему уже нечего противопоставить посреднику. Оказывается, бандиты намерены контролировать выполнение заказа, чуть ли не кино снимать собралась! Стороны перешли на повышенные тона. В результате «конторские» нашли выход, обескураживающий своей простотой: оказывается, к винтовке не было патронов. Кроме того, её следовало пристрелять – вдруг выяснится, что оружие действительно совершенно непригодно для точного выстрела, и тогда бандиты сами смогут убедиться в этом, а проблема цейтнота на какое-то время отпадёт сама собой.

Тем не менее, от задачи обеспечения боепитания «старшие братья» самоустранились, поэтому её решение автоматически поручалось ОЭПу. Не бандитам, не уголовному розыску, не военным и не ФСБ – именно ОЭПу, колбасникам-матрасникам! Смех и грех. Однако вопрос разрешился мгновенно: я доложил Пучкову, он – Иванову А.К., начальнику криминальной милиции округа, и в результате по устному распоряжению начальника УВД СВАО г. Москвы мне выдали 30 автоматных патронов без вопросов и без единой бумажки.

На следующий же день вдвоём с Олегом пристреливали оружие в заброшенном карьере в районе Медвежьих Озёр. Найти среди гор мусора большой лист картона и десяток консервных банок не составило труда.

Винтовка оказалась идеальной для одного выстрела. Во-первых, кучность боя оказалась просто поразительной, в обоих смыслах слова. В принципе, это объяснялось довольно длинным стволом (начальная скорость полёта пули, вероятно, была около 1000 м/с или более) и точностью подгонки сочленения между стволом и запирающим механизмом. Во-вторых, самодельный глушитель оказался весьма эффективным. Я никогда раньше не стрелял с ПБСом, не с чем сравнивать, но ощущение от стрельбы классное: толчок в плечо, щелчок и короткое шипение выходящих пороховых газов (похоже на то, будто отсоединяешь шланг насоса от вентиля, после того как накачал колесо). «Пс!» – и всё.

А вот с оптикой дело было хуже. На пристрелку потратили полпачки. Затянули прицел на «ласточкин хвосте» намертво, и стало понятно, что о последующем

демонтаже прибора речи быть не может. Отстегнули цевьё, сняли ствол, снова собрали и снова отстреляли винтовку – без изменений: готово. Осталось около десятка патронов.

Позвонил в «контору» и рассказал всё, договорились вечером встретиться. Товарища майора попросили с собой не брать.

На встречу явился только Саид, с ходу изложил план.

Первое: Олег уведомляет посредника, что винтовка не самозарядная и продемонстрировала отвратительную кучность. Одновременно сообщает, что нашёл другой способ выполнения заказа: случайно обнаружилась идеальная площадка для стрельбы из гранатомёта – крыша дома возле офиса Лебедева. Предлагает посреднику предоставить в распоряжение (тут Саид поинтересовался, из каких гранатомётов Олегу приходилось стрелять) РПГ-7 или однозарядный РПГ-18. Тип гранаты не важен, но желательнее РПГ-18, он менее громоздкий, да и достать проще. Эхо чеченской войны, как говорится.

Второе: полученный гранатомёт «модернизируется» специалистами, осечка вместо выстрела, уходящего Олега останавливает милиция, это видят вражеские соглашения, но Олегу удаётся скрыться. Если всё пройдёт гладко, то на выходе получается: а) шумный эффект, что не обезопасит Лебедева, но заставит его недругов на какое-то время затаиться; б) Олег получает 100 призовых очков и право требовать сатисфакции от посредника, ответственного за поставку инструмента ненадлежащего качества, а в лучшем случае – окончательного выхода из дела.

Сказать, что Олегу план понравился, – ничего не сказать. Он, спасённый, просто стал другим человеком, уверенным и свободным. У меня, разумеется, относительно плана никаких возражений не имелось. Правда, несколько напрягало то, что когда Олег ушёл, Саид попросил меня не рассказывать о новом варианте руководству, подготовить предложения по расстановке своих сотрудников и после согласования с Саидом тонкостей спектакля проинструктировать актёров так, чтобы премьера была блистательной.

Не знаю, в чьей голове родился такой замысел – на авторство не претендую, хотя хотелось бы, – но тот план и сегодня мне кажется безукоризненным. Это было действительно единственно верное решение.

Хитрый «конторский» замысел имел один изъян: он не решал проблемы винтовки. «Раз в год и палка стреляет», – гласит поговорка, а такая палка выстрелит обязательно, и не в воздух, а в человека. Что делать с винтовкой? Возвращать бандитам нельзя, это однозначно. Если вернуть – с законом не всё чисто (это же чистейший состав халатности, а то и соучастие в незаконном обороте оружия), а с совестью и подавно. Олег рассказал посреднику всё, что было задумано. Тот поддержал идею с гранатомётом, был занят новой задачей, но было ясно, что о винтовке он не забудет. Мы решили перехватить инициативу: Олег сам связался с посредником и заявил, что винтовка ему приглянулась, что сейчас она не пригодна для дела, но при желании её можно довести до ума. Поинтересовался, нельзя ли её выкупить в счёт средств, причитающихся за выполнение работы. Нет, ответили, инструмент нужно либо выкупать (цена 3 000 долларов), либо вернуть Нине в следующий её приезд, чуть ли не завтра к отходу поезда.

Олег передал мне содержание своего разговора с посредником и успокоился, полагая, что он сделал, что мог. «Давайте винтовку, Владимир Анатольевич», – говорит. А я не могу отдать! Пытаюсь призвать к совести, объяснить, что это неправильно – бандитам оружие возвращать. Бесполезно. Говорю: хорошо, возьми паузу на один день, я попрошу ФСБ выделить деньги, своё начальство попрошу.

Моё руководство отреагировало молниеносно.

– И думать забудь. Денег на зарплату нет. И статьи расходов такой нет. Если решать вопрос в лоб – полгода уйдёт, да и то без гарантии.

– Так убьют же человека! Обязательно. Не сегодня – завтра, послезавтра, через год. Через год, максимум, мы её по телевизору увидим, брошенную стрелком на позиции.

– Каждый день убивают. Мы же не всемогущи, всех не спасём. И вообще, винтовка у тебя – сдай её, оформи как изъятие или как находку. И забудь про это дело, если этот вопрос тебя так волнует.... А что, она больше не нужна вашему стрелку?

– Нет, пока отбой. Неделя времени есть, дальше – по обстоятельствам.

Эфэсбэшники тоже отказали. Без объяснения причин. У нас так не принято, говорят. Они неохотно принимали на себя задачи, возникающие в связи с этим делом, хотя необходимо отдать им должное: за что бы они ни взялись, всё делалось с филигранной точностью. Вот и сейчас вопрос с винтовкой повис в воздухе.

Ставлю вопрос ребром в своём коллективе. Мои доводы все находят благородными и заслуживающими уважения, но участвовать лично... Нет, слишком дорого.

– Ладно, говорю, – хрен с вами, я сам её выкуплю.

– Откуда три штуки? – спрашивают.

Трёх штук действительно не было. Было 400 долларов, заработанных на охране при выгрузке товаров знакомой комммерсантши. Были тётчины 600, которые она выручила от продажи тёткиного дома. Ещё 19 я доложил в коробку с её долларами, когда на машине «бомбил» по городу по ночам, а клиенты иногда расплачивались долларами. Рубли тратил, доллары оставлял. Итого 1019. Ещё 900 согласился дать взаймы Сашка, с которым мы сидели в одном кабинете.

Я на вечер вызвал Олега, передал ему собранную сумму, раскрыл «источники финансирования» сделки и сказал: «Больше ничего нет. Половина – не мои, потом отдам. Делай что хочешь, вычти расходы у Нины или у посредника, скажи, что патроны покупал специальные – втюхивай любую липу, но винтовку я тебе не отдам. Не хватит – свои деньги вкладывай. Разговор окончен». Без особых возражений Олег ушёл, а утром отзвонился, дескать, всё в порядке, посредник деньги взял, он сам решит вопрос с Ниной.

Всё остальное прошло как по маслу. Олег получил РПГ-18 (он же «Муха»), я его забрал и отвёз прямо к зданию УФСБ по Москве. Меня встретили какие-то незнакомые люди, успокоили (видимо, было заметно моё волнение), забрали из багажника сдвоенный полиэтиленовый пакет, коротко и предельно ясно проинструктировали. Уже через несколько часов, ранним утром я подъехал туда же, прямо к центральному входу.

Включил «аварийку», вышел из машины – ко мне уже идёт сотрудник в форме ДПС. Думал, сейчас начнутся вопросы – нет, попросил подождать пару минут. Тут же подошли ещё двое, и я не заметил, что пока один со мной здоровался и интересовался, как мои дела (очень интересно, как мои дела!), второй уже положил тот же свёрток в багажник. Услышал, что крышка хлопнула, повернулся – всё, показывает, можно ехать. Класс, одним словом.

В конце Лубянки меня догнал белый «Мерседес» с мигалкой, потребовал остановиться. Был только водитель, форма тоже ДПСная, вышел, представился. Я показал своё удостоверение. Собираясь уходить, он спросил, что в багажнике. Я ответил, пытаюсь непринуждённо улыбнуться: «Труп». Тот улыбнулся в ответ, сел в машину и тотчас уехал. И я, потратив некоторое время на осмысление случившегося, тоже уехал. В Балашиху.

Олег доложил посреднику о своей готовности, я рассказал детали плана своим товарищам, вывез на место, обсудили и разобрали роли. Стали ждать дня «икс», назначаемого посредником, который, судя по всему, был в курсе расписания Лебедева. За это время Саид через меня вызвал Олега в Вишняковский переулок, где они осмотрели площадку для выстрела и место, куда въедет автомашина.

Настал этот день 11 июня 1997 года. В операции задействовал почти всех сотрудников отделения, включая своего брата⁹ и начальника отделения. Ключевые роли достались Косте¹⁰ («участковый»), мне («дружинник») и Сергею («случайный таксист»). Остальные обеспечивали контрнаблюдение, транспорт, прикрытие и резерв.

Первая половина дня, прекрасная солнечная погода. Вишняковский переулок. Олег прибывает с Женей и водителем, который остаётся ждать их в машине. Машину принимает эфэсбэшная «наружка». Олег с большим пакетом, из которого на несколько сантиментов вверх торчит тубус гранатомёта, поднимается на крышу дома № 23. Женя расположился внизу, присев на стальное ограждение газона. «Участковый» Костя милицейской форме и я в штатском непринуждённо беседуем вне поля зрения Жени, но так, чтобы дверь в подъезд была под наблюдением.

Как рассказал позже Олег, он поднялся на крышу по чердачной лестнице, осмотрелся и привёл оружие в готовность. Собирался покурить, но тут же во двор дома, т.е. в заданную зону поражения, въехала легковая машина, за ней джип охраны. Он прицелился, зажмурился от страха и нажал на спуск. Щелчок и ничего больше. Быстро засунул удлинившийся корпус в пакет и пошёл вниз.

Нам с Костей долго ждать не пришлось. Внешне всё выглядело так: открывается дверь, и выходит подозрительный тип с не менее подозрительной ношей (Олег с пакетом, из которого на полметра торчит корпус гранатомёта на боевом взводе с откинутой крышкой). К типу подходят милиционер и дружинник, уставившись на пакет. Человек в оцепенении смотрит на участкового, и когда тот козырнул, представляясь лейтенантом Пупкиным, бьёт его в лицо и бросается наутёк по согласованному маршруту. Костя – самый крупный из нас, поэтому именно ему досталась роль милиционера. Он знал, что сценарием предусмотрено «с силой отталкивает

9 Старший оперуполномоченный по особо важным делам Василевский А.А.

10 Оперуполномоченный Свищёв К.Ю.

милиционера», вследствие чего удара в челюсть явно не ожидал. Именно поэтому он с яростью бросился за злоумышленником ... и со всей очевидностью догонял! (Ни у кого не хватило ума спросить Олега, умеет ли он быстро бегать).

Выручила лужа. Костя уже почти сравнялся с беглецом, когда тот, поскользнувшись на краю лужи, грохнулся в неё, разметав брызги. Так у Кости появилось занятие – отряхивать себя от грязи, – что обеспечило убегающему достаточную фору по времени для того чтобы подняться и добежать до машины. Сергей же с замиранием сердца смотрел, как огромное грязное существо садится в его собственное авто.

Как нам рассказали товарищи, всё произошло на глазах у Жени, он завертелся, как уж на сковородке, спортивным шагом домчался до поджидавшей его машины, и они уехали, ведомые профессиональными шпионами.

Всё стихло, но в наши планы тишина не входила, предстояло ещё «поднять шум» в офисе Лебедева, чтобы возник резонанс, естественное усиление охраны, изменение запланированных мероприятий и прочие логичные последствия. Встретили недружелюбно. Пока «старшие братья» с кем-то говорили за закрытыми дверями кабинета, офисные клерки и охрана глядели на нас, как провокаторов. Кофе, конечно, никто не предложил, да и неуместно распивать напитки в такой атмосфере. Выпроваживали без экивоков, однозначно и настойчиво. Но то, что шум будет – можно было не сомневаться.

Олег тоже был спасён. Он нисколько не отступил от того гениального замысла и в ходе душевного разговора в доверительной обстановке рассказал посреднику, что ему пришлось пережить. Его слова прямо подтверждал один свидетель, косвенно другой. Члены трудового коллектива, а также представители медведковского отделения профсоюза разбойников и вымогателей также были на стороне Олега. Вердикт: косяк есть, он должен быть оплачен, суммы задатка достаточно, никто никому ничего больше не должен.

Пришёл час расплаты, и Олег отдал нам Нину. Впрочем, даже если бы он её не отдал, мы бы не бросили такую информацию. Но нам подсветили, когда Нина приедет с товаром – всё-таки, не было гарантии, что она каждый рейс в Москву доставляет оружие.

Встречать Нину поехала та же, наиболее боеспособная половина отделения. Задержали примерно в том же месте, где они перегружали винтовку в багажник. Досматривать намеренно не стали: если пусто – извинимся; если нет – это будет уже на нашей земле, а победителей не судят. В присутствии понятых женского пола в багаже задержанной гражданки Эстони Мировой Нины обнаружены пистолет «Парабеллум» и пистолет-пулемёт Судаева (ППС), всё потёртое, вероятно, от «чёрных копателей».

Возбуждать уголовное дело наша следственная часть не хотела. Из допроса Мировой следовало, что её задержали где-то у вокзала, поэтому возбуждать и расследовать дело должен линейный отдел УВДТ. Но упускать такую редкую «палку» – часть 4 статьи 188 УК РФ «Контрабанда» – руководство округа не собиралось, и следователи сдались. Тем более, что преступление было обнаружено и документально зафиксировано на территории всё-таки СВАО – в моём служебном кабинете, где и

проходил досмотр. Маша Туманова приняла дело к производству и грамотно довела его до суда.

Назавтра эфэсбэшники сообщили нам, что за два часа до отправления поезда в обратный путь они нагрянули в отстойник (место, где вагоны ожидают формирования состава) и нашли в вагоне Мироновой и ещё в одном вагоне десятки единиц икон, церковной утвари, прочих ценностей. До сих пор не знаю, как к этому относиться. Знаю только, что Миронову осудили только за контрабанду оружия, и иконы там не фигурировали.

Со «старшими братьями» мы больше не встречались. Лишь однажды – в рамках того же общего дела – они попросили нас принять участие в массовой для прикрытия оперативной комбинации. Со служебным заданием справиться было несложно: мы наелись, напились пива, напарились в бане, да ещё получили устную благодарность от командования.